

А. С. Кравец

ЖЕСТКИЙ ДЕСИГНАТОР

Понятие жесткого десигнатора возникло в ходе дискуссий о сущности и условиях осуществления референции. Референция — это операция, позволяющая осуществлять соотношение знакового выражения с обозначаемым объектом. Вопрос, приобретший остроту в дискуссиях о референции, состоял в том, каким образом знаковое выражение позволяет выявить, идентифицировать обозначаемый объект и насколько успешно может быть проведена эта операция.

Основополагающие идеи референции изложены в работах Г. Фреге¹ и Б. Рассела². Г. Фреге рассматривал проблему означения так называемых индивидуальных имен, т.е. имен, обозначающих единичный или уникальный объект (вещь в терминологии Г. Фреге). Операция означения имеет две семантические компоненты. Имя, по Г. Фреге, обладает смыслом и денотатом. Смысл имени, полагал Фреге, можно трактовать как определение, характеристику означаемой вещи, способ ее индивидуации, а денотат он определял как вещь, соответствующую этому определению. Так, имя “пересечение двух прямых” содержит смысл, характеризующий соответствующий денотат, в данном случае — “точку”, а смысл выражения “произведение чисел 2 и 3” предопределяет его денотат — число “шесть”.

Г. Фреге исходил из того, что если смысл индивидуального имени задан правильно, то он предопределяет единственный денотат однозначно. Вместе с тем он признавал, что может существовать несколько смыслов для определения одного и того же денотата. Так, имена “произведение 2×2 ” и “сумма $2 + 2$ ” различаются смыслом, но характеризуются одним и тем же денотатом “4”. Данный факт можно трактовать следующим образом: задание некоторого смысла имени достаточно для определения его денотата, но не является необходимым условием, ибо может существовать и другой смысл, предопределяющий тот же самый денотат. Указанное отношение между смыслом и денотатом оказалось весьма важным для определения синонимов и эквивалентных тождеств. Так, если a и b являются синонимами (т.е. обозначают один и тот же объект при различии в смыслах имен a и b), то они взаимозаменяемы в выражениях $F(a)$ и $F(b)$, содержащих эти имена: ($a = b$) и $F(a) = F(b)$.

Б. Рассел постарался провести различие между индивидуными и собственными именами, которое у Фреге было затуманено. С точки зрения Рассела, индивидуальные имена (обычно называемые нарицательными) всегда являются определенными дескрипциями, т.е. описаниями индивидуального объекта: *человек, первым переплывший Ла-Манш; самая высокая гора в мире; инкрустированный столик в углу гостиной*. Неопределенная дескрипция соответствует общему имени, имеющему не единственный денотат, а некоторое их множество. Например, *планета = небесное тело, вращающееся на устойчивой орбите вокруг звезды; четное, число = число делящееся без остатка на два*.

Собственные имена, по Расселу, не являются дескрипциями, они возникли как специфические метки в результате акта именованья (подобного крещению) лиц, уникальных событий, географических объектов и т.д., т.е. собственные имена возникают, минуя смысл, в акте номинации, они имеют только денотата³.

Правда, Рассел скептически утверждал, что большинство имен, в общем мнении считающихся собственными, не являются таковыми, ибо содержат в скрытом виде дескрипции. В качестве примера можно привести названия одной и той же планеты (Венеры): Геспер и Фосфор. Геспером греки называли *звезду, появляющуюся на вечернем небосклоне*, а Фосфором — *звезду, появляющуюся на утреннем небосклоне*. Позже выяснилось, что греки видят одну и ту же планету (а не звезду), названную Венерой. Таким образом. Геспер и Фосфор имена одной и той же планеты, имеющие разные описания (*вечерняя звезда — утренняя звезда*).

Итак, Рассел, по существу, уточнил идею Фреге. Если Фреге утверждал, что денотат (обозначая вещь) определяется смыслом именного выражения, то Рассел показал, что этот смысл раскрывается в определенной (для индивидуального имени) или неопределенной (для общего имени) дескрипции. Следовательно, референция имени осуществляется с помощью соответствующей дескрипции. Всякая дескрипция осуществляет референцию имени на основе характеризующего, дефинирующего предиката: для общего имени это будет классобразующий предикат $P(x)$ (например, *млекопитающее = животное, питающее своих детенышей молоком*), для индивидуального имени это будет уникальный признак $P(a)$ единичного объекта или лица (*автор специальной теории относительности*).

Таким образом, можно сказать, что, по теории Фреге—Рас-

села смысл, выражаемый в высказывании (описании), определяет соответствующий денотат.

Эта идея коррелирует с теорией понятия, принятой в логике. В логике было принято считать, что всякое понятие имеет свое содержание, называемое интенционалом (или смыслом), и соответствующий ему объем, т.е. область реализации, называемую экстенционалом. Экстенционал содержит в общем случае множество денотатов (т.е. объектов, подводимых под понятие). Предельными случаями экстенционала являются множество: состоящее из одного объекта (именно в этом случае говорят о сингулярном терме в логике или индивидном имени в лингвистике), и пустое множество. Например, имя, определяемое интенционалом “самая удаленная точка от Земли” имеет экстенционал с пустым множеством денотатов.

Термины “референция”, “денотация” (лат. *обозначение*}, “десигнация” (лат. *обозначение, означение*) имеют примерно один и тот же смысл. Они трактуются как операции, ставящие в соответствие имени (в общем случае — знаковому выражению) некоторый объект, Объект, который идентифицируется с помощью указанной операции, называют референтом. денотатом, десигнатом (все это синонимы) имени. Фреге, стремясь доказать объективный характер денотата, отождествлял его с вещью, обозначаемой именем. Однако, как следует из примеров, приводимых Фреге, в качестве денотатов у него фигурировали точки, числа и другие абстрактные объекты. В принципе денотатом может быть как любой материальный предмет, так и идеализированный (теоретический) объект.

Главное эпистемологическое замечание, которое мы вынуждены здесь сделать, заключается в том, что денотат не существует сам по себе, вне его корреляции (соотнесения) с именем. Это замечание может показаться странным, а кому-то даже кощунственным, но такова уж природа функционирования языка. Дело не в том, что вещи могут существовать сами по себе, вне языка (против этого никто, пожалуй, не будет возражать), а в том, что денотат — это, как подчеркивал Соссюр, необходимая сторона знакового выражения, Если объект не вовлечен в языковое описание, он не имеет ни имени, ни денотата (т.е. фактически не существует для пользователя языка). Но о денотате имеет смысл говорить только в его связи с определенным именем.

Положение о зависимости денотата от знаковой (вернее, языковой) формы выражения имени можно усилить согласно идеям

Фреге—Рассела. Ведь денотат, с их точки зрения, определяется смыслом (интенционалом) имени, именно смысл определяет, как мы можем вообще представить себе денотат. Именно от сформулированного смысла имени зависит, существует ли единственный денотат, или множество денотатов (экстенционал), или для данного имени в принципе нельзя указать ни одного денотата.

Итак, если десигнация — это операция, позволяющая сопоставить с именем соответствующий объект (десигнат), то что понимается под десигнатором? Концепция Рассела четко отвечает на этот вопрос: десигнатором является характеристический предикат объекта (десигната). Именно этот предикат [фигурирует в концепции определенных и неопределенных дескрипций Рассела. Однако противники теории Фреге—Рассела постарались сформулировать понятие десигнатора, не опирающееся на концепцию интенционала и, соответственно, дефинирующих дескрипций. Поэтому они попытались расширить понятие десигнатора. Более общее понимание десигнатора сводится к тому, что он является любым возможным оператором (способом) идентификации вещи, не обязательно это должна быть традиционная предикация имени.

Таким образом десигнатор — это любой способ (критерии, оператор, действие, в частном случае и предикация) связывания имени с вещью (например, остенсивное указание: это — лошадь, это — дом). Тогда под жестким десигнатором понимается десигнатор, жестким, однозначным образом идентифицирующий одну и ту же вещь, где бы она не встречалась, везде и всегда, в любом возможном мире.

Для понимания дискуссии о жестком десигнаторе необходимо остановиться на типологии существующих имен. Мы уже отметили, что есть *общие имена* (человек, лошадь, ген и т.н.), характеризующие классообразующим предикатом $P(x)$ и соответствующим экстенционалом, т.е. множеством объектов, входящих в класс. Им противостоят *индивидуальные имена*, называющие единичные объекты, т.е. имеющие вполне определенный, единственный денотат.

Особую группу составляют имена с пустым экстенционалом. В нее могут входить как общие имена, так и индивидуальные. Такие общие имена, как *вечный двигатель, круглый квадрат, бессмертные люди* и т.п., и индивидуальные, как *самая удаленная точка от Земли, нынешний король Франции*, не имеют даже единственного денотата, т.е. им нельзя сопоставить ни одного объек-

та ни в действительном, ни в любом возможном мире. В эту группу входят так называемые ирреальные имена: *леший, домовой, гном, русалка* и т. д.

С точки зрения жесткости десигнатора полезно ввести классификацию имен на случайные, аналитические и научные. Случайное (или эмпирическое) индивидуальное имя определяется на основе случайного признака, зафиксированного в соответствующей эмпирической дескрипции, например: *инкрустированный столик в углу гостиной, мой сосед, тысячный покупатель в супермаркете*. Идепгификация объекта в этих дескрипциях проводится на основе случайных признаков и обстоятельств и, естественно, не является жесткой.

Понятие аналитического (в другой терминологии — абстрактного) имени следует пояснить более обстоятельно, поскольку данный термин не является общепринятым. Различие между аналитическими и синтетическими суждениями было введено И. Кантом.

По Канту, суждение является аналитическим, если его истинность не зависит от эмпирического мира. Аналитическое суждение истинно в силу логической выводимости из каких-либо аксиом (посылок) и остается таковым в любом возможном мире. Пример синтетических суждений: “*”корень квадратный из 81 равен 9”*; “*”квадрат гипотенузы прямоугольного треугольника равен сумме квадратов катетов”*; “*четное число делится на два*” и т.д.

Синтетические суждения фиксируют эмпирические факты, и их истинность зависит от того, что на самом деле существует или происходит в действительном мире, например: *хвост ящерицы равен пяти сантиметрам; камень весит один килограмм* и т.п. Однако у Канта речь идет не об аналитических именах, а об аналитических суждениях. Естественно, что имя само по себе не образует суждения, и по отношению к отдельному термину нельзя ставить вопрос о его истинности. Что же тогда следует понимать под аналитическим именем?

Аналитическое имя можно определить как конструктивно (теоретически) заданное, входящее в качестве субъекта в аналитическое суждение: *корень квадратный из 8, четное число, квадрат гипотенузы*. Аналитические имена способны образовывать необходимые тождества, т.е. тождества, реализуемые в любом возможном мире. Примеры таких тождеств: *корень квадратный из 81 эквивалентен (тождествен) числу 9; четное число эквивалентно (тождественно) числу, делящемуся на два; квадрат гипотенузы эквивалентен (тождествен) сумме квадратов катетов*. Обе час-

ти тождества взаимозаменяемы во всех возможных выражениях с сохранением своего истинностного значения. Очевидно, что аналитическое имя является всегда жестким десигнатором: 25 имеет в качестве своего денотата число 5 в любом возможном мире.

Научные имена (*атом водорода, ген, шизофреник, млекопитающее* и т.п.) по степени строгости своего определения приближаются к аналитическим, но в то же время между ними есть и существенное различие. Научное имя вводится на основании признака именуемого объекта, зафиксированного в эмпирии. Но здесь как раз и возникает сомнение, насколько жестким является зафиксированный признак, чтобы обеспечить во всех возможных ситуациях идентификацию соответствующего объекта. Научным именам обычно противопоставляют обыденное употребление имен. Неспециалист может, например, не знать критерия, по которому различаются *вяз* и *бук*, поэтому, употребляя эти имена в коммуникации, он, понимая о чем идет речь, все же не способен жестко дефинировать соответствующие имена.

Наконец, коснемся самой проблематичной группы *собственных имен*. Обычно считается, что собственные имена подобны дейктическим (*этот, тот, мой, твой*), т.е. они жестко и однозначно указывают на именуемый объект. Действительно, дейктические имена, как отмечал Ф. Стросон⁴, обладают минимальным *дескрипционным значением* и вместе с тем являются наиболее точными указателями объектов. Однако ясно, что идентификация с помощью дейктики принципиально ограничена и не может считаться универсальной. Сами указательные местоимения *этот, тот* практически не обладают интенционалом, они могут быть применимы к чему угодно (некоторое ограничение в смысле возникает уже у притяжательных местоимений *мой, твой*). Жесткость дейктики начинает проявляться в ситуациях общения (для указательных местоимений) или знакомства (для притяжательных местоимений). Следовательно, дейктика ситуативна и теряет свое идентифицирующее значение за пределами указанных ситуаций.

Собственные имена (*Павел, Иван* и т.п.) в принципе могут быть применены к любому человеку (подобно дейктике), но они закрепляются за персонами в результате акта “крещения”, удостоверяемого юридическими процедурами. Считается, что *закрепленные* собственные имена действуют как жесткий десигнатор.

Безусловно, между дейктикой и собственными именами есть сходство. Имена (*Павел, Иван*) не имеют смысла, как и указа-

тельные местоимения *этот. тот*, но они могут четко указывать на соответствующий денотат в ситуациях контакта, знакомства и т.н. Однако собственные имена в отличие от дейктики часто употребляются и за пределами указанных ситуаций. Например, мы можем встретить имя *Аристотель* в философском тексте, Читатель может не знать, кому принадлежит это имя, поэтому комментаторы обычно сопровождают текст поясняющими дескрипциями: *греческий философ V века до н.э.; ученик Платона; воспитатель Аялександра Македонского* и т.п.

Таким образом, общее употребление собственных имен, не ограниченное ситуацией контакта или знакомства коммуникантов, будет осмысленным, если эти имена сопровождаются идентифицирующей дескрипцией, как и индивидуальные (нарицательные) имена. Вот почему Б. Рассел отмечал, что большинство собственных имен не являются таковыми в их речевом использовании. Но, как и в случае индивидуальных имен, эти идентифицирующие дескрипции могут опираться на случайный признак. Тогда собственное имя теряет свою жесткость в предопределении референта. Так, в нашем примере с Аристотелем обнаруживается размытость десигнатора: в пятом веке до н.э. в Греции было много выдающихся философов, учеников у Платона было несколько. А вот другой пример. Встретив имя *Цицерон*, читатель может обнаружить поясняющую дескрипцию *“выдающийся райский оратор первого века до н.э., выступавший с обвинительными речами против Катилины*, а в другом тексте может фигурировать имя Марк Туллий с пояснением *“римский писатель и философ конца первого века до н. э”*. Далек не каждый читатель может самостоятельно прийти к выводу, что *Марк Туллий это Цицерон*. в силу неоднозначности и случайности десигнаторов, фигурирующих в соответствующих дескрипциях.

Проблема жесткого десигнатора отнюдь не является чисто лингвистической проблемой, а затрагивает серьезные метафизические (или онтологические) и эпистемологические проблемы. Действительно, говорить о существовании жестких десигнаторов нельзя без определенных допущений о природе вещей. Жесткий десигнатор существует, во-первых, если вещь остается (хотя бы в достаточно продолжительном промежутке времени) сама собой, т.е. вода остается водой, алюминий алюминием, а золото золотом. Во-вторых, предполагается, что у каждой вещи есть какие-то характеристические свойства (качества), принципиально отличающее ее от других вещей. Рассуждения о жестких десигнаторах, опирающиеся на природу вещей. получили название,

de re (re — лат. вещь), в отличие от рассуждений de dicto (dicto — лат. речь), основанных на определениях имен, в частности на дескрипциях.

Близкой к рассуждениям de re является концепция эссенциализма. Эссенциализм предполагает, что вещи имеют сущность, или существенные свойства. Вещь остается сама собой, если ее различные модификации (внешние свойства) скрывают одну и ту же сущность. Именно сущность предопределяет природу любой вещи. Раскрыв эту сущность (или существенное свойство), мы можем распознать данную вещь в любом возможном мире, несмотря на ее возможные модификации. Если принять концепцию сущности, то она могла бы претендовать паролем жесткого десигнатора. Проблема, однако, заключается в том, что у нас нет твердых критериев определения сущности. У теории эссенциализма есть свои сторонники и противники,

Концепцию эссенциализма можно обойти, если принять идею, согласно которой жесткий десигнатор должен представлять собой необходимое и достаточное условие существования вещи. Так, данная жидкость представляет собой воду, если она состоит из молекул H_2O . Если мы устанавливаем, что жидкость состоит из H_2O , то этого достаточно, чтобы квалифицировать ее как воду, а если мы не обнаруживаем этих молекул, то данная жидкость не вода (реализовалось необходимое условие).

Но как узнать о необходимости и достаточности некоторого признака для распознавания вещи? Отвечая на этот вопрос, следует учесть и эпистемологические соображения. Вещь, взятая сама по себе, вне познавательных и практических действий человека, хранит тайну о себе. Лишь включая вещь в круг своих познавательных и практических действий, человек присваивает имена вещам и устанавливает их характеристические свойства.

Знание о вещах эволюционирует от обыденного, опирающегося на прагматические интересы людей, до научного. Это знание фиксируется в высказываниях о вещах, определяющих смысл и соответствующий экстенционал имени. Естественно, что научные определения вещи существенно отличаются от обыденных представлений своей строгостью и жесткостью десигнации.

Наиболее типичный путь формирования научных представлений о вещах (особенно о родах веществ — жидкость, металл, газ и т.п.) заключается в том, что вначале эмпирическим путем раскрываются их характеристические свойства и строение. Однако эмпирические открытия не могут дать обоснования необходимости (жесткости) устанавливаемого характеристического свой-

ства. Такое обоснование может быть сформулировано только в теории, раскрывающей необходимость и достаточность характеристического признака. Однако и теории эволюционируют, постепенно углубляя наше знание о строении вещества. Достаточно рассмотреть историю развития научных представлений о свете, электричестве, атоме и т.д., чтобы принять идею и том, что понятие жесткого десигнатора всегда относительно к уровню наших познаний. Лишь для аналитических имен такой десигнатор является абсолютным, поскольку он не зависит ни от эмпирии, ни от того, что вообще существует в действительном мире. Он определяется конструктивно логической дефиницией и безотносителен к миру.

Учитывая эти замечания, можно сказать, что, обсуждая проблему жесткого десигнатора для научных имен, всегда следует учитывать неразрывную связь аспектов *de re* и *de dicto* в характеристике вещей. Наше описание вещи (*de dicto*) как бы вывечивает, рисует ее обобщенный коммуникативный образ, становится ее лингвистическим репрезентантом. Но то, что вошло в этот образ (черты и строение вещи), обусловлено, с одной стороны природой вещи, а с другой — всем опытом ее освоения человечеством.

* * *

Теперь обсудим известные концепции жесткого десигнатора С. Крипке⁵ и Х. Патнэма⁶ которых объединяет общее недоверие к дескрипционной теории Рассела.

С точки зрения С. Крипке, жесткий десигнатор *необходимым* образом определяет свой денотат, подобно тому как выражение *квадратный корень из 25* “необходимо обозначает (*designates*) определенное число, а именно пять” (с. 351). Как уже отмечалось, для аналитических имен существование жесткого десигнатора не вызывает сомнения. Однако Крипке интересуют прежде всего научные имена (свет, тепло и вода) и собственные имена. Научные имена существенно отличаются от аналитических имен тем, что в них не очевидна жесткая десигнация. Поэтому Крипке вынужден дать обобщенное определение жесткого десигнатора. Под ним он понимает “термин, который обозначает один и тот же объект во всех возможных мирах” (с. 351).

В логике известна формула, что если “*x* и *y* обозначают один и тот же объект (т.е. истинно, что *x* и *y* эквивалентны), то они являются *необходимо тождественными*:

$$(x) (y) ((x = y) \supset \Box (x = y)),$$

где $\square$ — знак необходимости. Эта формула, вообще говоря, постоянно вызывает дискуссии в логике. Действительно, она кажется парадоксальной.

Допустим, мы имеем два именных выражения a и b : a — *изобретатель бифокальных очков*, b — *главный почтмейстер Соединенных Штатов Америки*, которые оба относятся к одному и тому же человеку Бенджамину Франклину. Тогда должно быть справедливо: если $a = b$, то $\square a = b$, т.е. оба именных выражения необходимо тождественны. Но этого не может быть!

В самом деле, существует случайное стечение обстоятельств, такое, что один и тот же человек являлся первым почтмейстером США и изобрел бифокальные очки. Между этими двумя фактами нет необходимой связи. Именно поэтому Крипке считает выражение “*изобретатель бифокальных очков*”, нежестким десигнатором, “и понимать это следует в том смысле, что при одних обстоятельствах изобретателем этих линз мог быть один человек, а при других обстоятельствах им мог быть другой человек” (с. 351). Заметим, что именные выражения a и b представляют собой типичные расселовские дескрипции, тем не менее формула $(a = b) \supset (\square a = b)$, по мнению Крипке, остается справедливой, если ее трактовать следующим образом: “Существует человек, который по случайному стечению обстоятельств изобрел бифокальные очки и первым занимал пост главного почтмейстера США, и он необходимо тождествен самому себе” (с. 345).

Этим рассуждением Крипке намечает путь к определению жесткого десигнатора. Десигнатор будет жестким, если он позволяет установить тождественность объекта самому себе во всех возможных мирах. Для того чтобы установить критерий этой тождественности, Крипке подвергает критике бытующее мнение, что *необходимое* — это всегда *априорное*, а *апостериорное* — это всегда *случайное*. Обычно считают, что аналитические имена могут образовывать необходимые тождества, поскольку предполагают, что эти тождества могут вытекать из определений имен, либо быть выведены из аксиом. Крипке приводит пример аналитического имени “четное число”. Гольдбах предположил, что любое четное число является суммой двух простых чисел. Это утверждение априорно. Случайный перебор четных чисел, казалось бы, подтверждает предположение Гольдбаха, однако в общем виде теорема не доказана. Мы не можем перебрать и проверить апостериори каждое четное число из всего бесконечного

множества. Поэтому априорное утверждение Гольдбаха мы не можем считать необходимой истиной.

С другой стороны, все научные открытия, т.е. совершенные эмпирическим путем, являются апостериорными, однако некоторые из них способны установить необходимое тождество объекта самому себе. Крипке приводит пример со столом, изготовленным из дерева. Стол может находиться в углу гостиной или в спальном комнате, или где угодно. Все эти предпосылки не жестко десигнируют такую вещь, как стол. Но если мы открыли, что стол изготовлен из дерева, то он всегда остается изготовленным из дерева, а, к примеру, не из льда. Таким образом, данное открытие, безусловно, является апостериорным, но оно дает, по мнению Крипке, необходимую истину: “При условии, что он (т.е. стол. — *A. K.*) сделан не из льда, он *необходимо* сделан не из льда” (с. 361). Однако в данном рассуждении Крипке, как и во всех последующих, камнем преткновения остается вопрос об обосновании необходимости некоторых истин, которые были открыты эмпирическим, т.е. апостериорным путем.

Вернемся к вопросу о научных именах. Как указал Крипке, если научное имя является жестким десигнатором, то оно должно обозначать *один и тот же* объект во всех возможных мирах. Однако многие философы не принимают концепцию возможных миров из-за того, что, с их точки зрения, вообще для этих миров нельзя определить рационально понятие тождества объекта. В возможных мирах должны существовать какие-то дубликаты объекта, которые в определенных отношениях предполагаются схожими с объектами действительного мира. Если мы говорим о Никсоне, бывшем президенте США, то как вообще можно представить его дубликат в возможном мире. Должен ли он быть членом демократической партии, иметь любимую собаку Чекерс, поддерживать предложение о противоракетной обороне и т.д.? У нас нет критерия тождества объекта в разных мирах.

Однако Крипке несколько видоизменяет концепцию возможных миров. Вместо трудно представимых возможных миров, в которых может случиться все, что угодно, он говорит о действительном мире, в котором могут реализовываться контрфактические ситуации.

Концепция контрфактических ситуаций заключается в том, что, выбрав объект анализа, мы можем наряду с тем, что произошло с ним на самом деле, рассмотреть и иные возможные ситуации на предмет их необходимости и случайности. Есте-

ственно, что метод контрфактических ситуаций избегает трудностей с определением тождества дубликатов. Теперь рассматривается один и тот же объект реального мира, по отношению к которому проигрываются различные связанные с ним сценарии протекания событий.

Итак, есть объекты: тепло и свет. Наука установила, что *тепло — это движение молекул, а свет — это поток фотонов*. По мнению Крипке, эти утверждения являются апостериорными, в принципе наука могла бы прийти и к другим результатам, что на самом деле и было в предшествующих теориях тепла (теория теплорода) и света (волновая теория). Однако, если ‘тепло — движение молекул’ и ‘свет — поток фотонов’ истинно, то это необходимо истинно, а термины ‘движение молекул’ и ‘поток фотонов’ употребляются, по мнению Крипке, как жесткие десигнаторы.

Доказательство необходимой истинности указанных тождеств Крипке проводит методом контрфактических ситуаций, т.е. он проигрывает различные возможные ситуации с открытиями свойств тепла и света, которые могли бы опровергнуть утверждения, что тепло есть движение молекул, а свет — поток фотонов. Если все мыслимые контрфактические ситуации не смогут этого опровергнуть, тем самым, по мнению Крипке, будет доказана их необходимая истинность.

Примем во внимание, что изначально люди называли теплом ощущение тепла, а затем открыли, что тепло является интенсивным движением молекул. Подобно этому и светом люди называли определенные зрительные ощущения, а затем установили, что это поток фотонов. Контрфактическими, с точки зрения Крипке, были бы такие ситуации, в которых ощущение тепла вызывалось бы не потоком молекул, а чем-то другим. Аналогично и ощущения света вызывались бы не потоком фотонов. Крипке придумывает фантастические сюжеты, когда это могло бы произойти.

Допустим, на Землю прилетают марсиане, которые испытывают тепло, когда прикасаются ко льду, и, наоборот, ощущают холод, когда прикасаются к огню. Кроме того, они видят свет, когда распространяются звуковые волны, и слышат звук, когда подвергаются действию потока фотонов. Теперь предположим, что Земля с самого начала была населена этими существами, и, следовательно, эти странные существа называли бы теплом то, что мы называем холодом, а свет — звуком.

Можно ли утверждать, что в данной контрфактической ситу-

ации тепло превратилось в холод, а свет в звук? По мнению Крипке, это будет ложным утверждением, ибо тепло осталось движением молекул, а свет — потоком фотонов. Мы могли бы только утверждать, что, когда мы испытываем тепло. Эти странные существа ощущают холод, а когда они слышат звук, мы видим свет. Тепло оставалось бы теплом, т.е. движением молекул, полагал Крипке, если бы его вообще никто не ощущал, когда, например, на Земле вообще не было никаких обитателей.

По мнению Крипке, те первичные идентификации тепла и света, которые возникли на основе наших изначальных эмпирических ощущений, являются случайными, а после того, как мы закрепили за внешними явлениями термины ‘тепло’ и ‘свет’, эти имена стали жесткими десигнаторами. “Поскольку тепло, — отмечает Крипке, — в самом деле является движением молекул и десигнатор является жестким, то ... мы приходим к выводу, что тепло *необходимость* движение молекул ... Термин *движение молекул*, разумеется, также является жестким десигнатором: он всегда обозначает движение молекул и никогда не обозначает другого явления” (с. 369).

Концепция Крипке все-таки не является прозрачной и, с нашей точки зрения, уязвима. Парадигмой для решения вопроса о жестком десигнаторе для Крипке выступают аналитические имена. Для аналитических, имен строго определяется интенционал, жестко задающий соответствующий экстенционал. Аналитические имена способны образовывать эквивалентные тождества ($\sqrt{25}=5$), истинные во всех возможных мирах. Их можно считать априорными, поскольку их интенционал сконструирован как логическое понятие, независимое от мира, и, естественно, сам экстенционал принадлежит к области мыслимых сущностей (или, как еще говорят, составлен из идеальных объектов),

Научные имена (атом, ген, электрический ток, сверхпроводимость и т.п.) принципиально отличаются от аналитических имен. Во-первых, они зависимы от реального мира. Их интенционал представляет собой дефиницию, включающую классобразующий признак $P(x)$. Поэтому в самой формулировке научного понятия должно учитываться его соответствие с реальным обозначаемым предметом. Во-вторых, содержание научных понятий зависит от уровня развития научного познания. Показательна в этом плане история развития понятия атома.

Что сближает научные имена с аналитическими, так это строгость их определения. В этом плане научные имена противостоят

обыденным, бытующим в сознании “среднего” пользователя языка. Для “среднего” говорящего (неспециалиста) порой трудно четко определить интенционал употребляемого имени, хотя какой-то смысл он всегда при этом имеет в виду. Поэтому средний представитель языкового сознания, возможно, и затрудняется с нахождением экстенционала имени, т.е. не всегда может различать объекты, соответствующие имени. Так, многие люди теряются и различении бука и вяза, собаки и кишки, если они очень похожи.

Для анализа Крипке выбирает имена ‘тепло’, ‘свет’, ‘золото’ и т.п., которые могут функционировать как в обыденном, так и научном дискурсах. И это очень удачный выбор для дискуссии. Именно научные имена Крипке считает жесткими десигнаторами.

Для доказательства своего тезиса ему нужно доказать *необходимый* характер имен. Но вот здесь-то и начинаются проблемы, В каком смысле они необходимы? Нам представляется, что путь, выбранный Крипке, ввергает нас в тяжелейшие философские дискуссии о необходимости, случайности- сущности и т.д. Мы постараемся высказать свои замечания по затронутым категориям, однако понимаем, что выявить достаточно ясно природу этих философских понятий нам здесь не удастся.

В своих рассуждениях Крипке использует формулу импликативного суждения $(a = b) \supset \square (a = b)$, где a, b — имена одного и того же объекта, $\square$ — знак необходимости. Само по себе это суждение может быть как истинно, так и ложно. В antecedенте, по Крипке, стоит эмпирическая фиксация, например, “тепло = движение молекул”, которую следует считать истинной. Тогда для истинности импликативного суждения нужно доказать и истинность консеквента, т.е., что “тепло = движение молекул” *необходимо истинно*. Вот здесь и появляется коварный оператор модальности “необходимо”, который Крипке пытается истолковать в духе *de re*.

Итак, в antecedенте случайность, в консеквенте — необходимость. Это как раз, по мнению Крипке, выглядит парадоксальным.

Крипке считает, что под случайностью апостериорного утверждения следует признать, что сами открытия могли быть совершены или не совершены, они вообще могли бы дать другой результат. Но если некоторая эмпирическая фиксация оказалась истинной, то можно доказать (методом контрфактических ситу-

аций) некую материальную необходимость, зафиксированного в открытии свойства.

Прежде всего отметим, что понятие “эмпирической случайности” не является однозначным. Случайность можно трактовать и в духе *de re* и в духе *de dicto*. Например, люди могли бы зафиксировать, что “вода — прозрачная жидкость”, “тепло — свойство сжигаемых поленьев”, и это истинно. Сами эти открытия, соглашаясь с Крипке, люди сделали случайно. Но теперь в духе *de re* можно спросить, являются ли такие свойства как “прозрачность воды”, “тепло от сжигаемых поленьев” случайными?

По-видимому, указанные свойства не являются необходимыми (хотя здесь мы должны были бы дать целую теорию необходимости и случайности).

Действительно, с одной стороны, существуют другие прозрачные жидкости, водой не являющиеся, но и вода не всегда находится в прозрачном состоянии. Тепло может выделяться не только при сжигании сухих поленьев, но и при трении, химической реакции, прохождении электрического тока. Следовательно, в эмпирических фиксациях может проявляться двойная случайность: 1) случайно то, что эти открытия были сделаны и 2) случайны характеристические признаки объекта. Заметим, что люди чаще всего обнаруживают такие случайные признаки в обыденной практике. Но Крипке как раз и не считает такие признаки жесткими десигнаторами. Для него необходимым является совсем другое: “движение молекул” для тепла, “химический состав (H_2O)” для воды. Но очевидно, что суждения “вода — прозрачная жидкость” и “вода — жидкость, состоящая из H_2O ” с формальной точки зрения не различаются. Ничего с этой точки зрения в имплицативном суждении не изменилось бы, если бы мы подставили и в антецедент и в консеквент вместо высказывания “вода — жидкость, состоящая из H_2O ” высказывание “вода — прозрачная жидкость”. Вот здесь Крипке и сталкивается с роковой необходимостью. Принимая, что эмпирическое суждение истинно, ему приходится еще обосновывать внутренне присущую вещам необходимость в таких утверждениях, как “тепло — движение молекул”, “свет — поток фотонов”. Однако метод контрфактических ситуаций, по нашему мнению, явно недостаточен для такого доказательства. Прежде всего он проблематичен, как и любое индуктивное рассуждение, и кроме того, предположение о материальной необходимости используется ученым в неявном виде, оно вообще конструктивно не сформулировано Крипке.

Рассуждая о необходимости *de re*, нельзя не затронуть вопрос о сущности. С сущностью обычно связывают внутренне необходимое, инвариантное, всеобщее, основополагающее и т.н. Обсуждение природы сущности завело бы нас слишком далеко, однако для понимания нетривиальности сущностного критерия рассмотрим несколько примеров.

Графит и алмаз долгое время рассматривали как разные сущности, пока не выяснилось, что они имеют общую углеродную природу. Теперь можно считать графит и алмаз модификациями одной и той же сущности. Аналогично воду (жидкость) и снег можно считать модификациями одной и той же сущности. Тепло, выделяющееся при сжигании поленьев, каменного угля, химической реакции и при прохождении электрического тока, — проявления одной и той же сущности теплоты. Напрашивается вывод, что жестким десигнатором может быть не любое случайное проявление природы вещами не случайно обнаруженная модификация, по какое-то существенное свойство. Беда только в том, что понятие сущности довольно аморфно.

Не подлежит также сомнению, что различные по своей природе объекты и вещества могут в каких-то своих свойствах совпадать. Так, “прозрачность” одинаково характеризует и воду, и джин. Рассмотрим аналитический пример. Выражения $2 + 2 = 4$ и $2 \times 2 = 4$ совпадают в своих денотатах, но различаются по смыслу. Если мы возьмем общее выражение для произведения ($x \times y$) и для суммы ($x + y$), можно было бы сказать, что “сущности” этих выражений разные, но в отдельных случаях (по денотатам) они могут приводить к одним и тем же результатам.

Но ведь в эксперименте мы можем обнаруживать именно такой случайный признак (единичное, которое не характеризует общее, одну из модификаций вещи, внешний признак, совпадающий для многих разнотипных вещей), и ясно, что он не может служить основанием для жесткого десигнатора.

Кстати, пример с теплотой, приводимый Крипке в качестве жесткого десигнатора (вода = движение молекул), можно подвергнуть сомнению с позиции всеобщности признака “движение молекул”. Известно, что в ядерном взрыве выделяется огромное количество тепла, но в этих условиях плазменного состояния вещества молекулы не существуют. В современной теории “горячей вселенной” допускается первичный взрыв, и затем вселенная начинает остывать, сначала из физического вакуума образуются различные поля и соответствующие элементарные частицы,

затем атомы, а затем уже молекулы. Значит, и здесь тепло существует, когда нет никаких молекул.

Еще один хитрый пример. Известно, что имя “бескрылое двуногое” идентифицирует на Земле человека, и оно в принципе считается эквивалентным имени “разумное животное”, ибо оба имени выявляют на Земле одинаковый экстенционал. Но можно представить себе возможный мир, где мы встретимся с разумным существом, у которого могут быть крылья или будет больше ног, чем две. Ясно, что признак “бескрылое двуногое” не может служить жестким десигнатором для разумного существа, хотя на Земле он вполне “срабатывает”.

Небудем множить количество примеров. Вряд ли это прояснит нам концептуальное содержание понятия сущности, хотя оно и напрашивается в определении жесткого десигнатора. Но ясно одно: далеко не все зафиксированные в эмпирии свойства объектов могут претендовать на роль жестких десигнаторов.

И тем не менее, если какие-то имена и могут претендовать на роль жестких десигнаторов, то это (помимо аналитических имен) будут именно научные имена. Для обоснования статуса жесткого десигнатора вовсе не обязательно обращаться к модели возможных миров или контрфактических ситуаций. Достаточно обратиться к реальной истории науки.

История науки свидетельствует, что научные имена обычно возникают вначале в ходе эмпирических открытий. Смысл этих имен раскрывается на основе эмпирических описаний явлений. Однако в дальнейшем создается теория соответствующего объекта. Если теория в состоянии выявить необходимые и достаточные условия существования объекта, то это может стать основанием жесткой десигнации понятия об объекте. Научное имя (атома, воды, тепла) будет жестким десигнатором, если однозначно идентифицирует означаемый объект через необходимые и достаточные условия в определении имени. Такой подход к жесткому десигнатору избавит нас от неразрешимых споров о сущности (существенном свойстве), ибо понятие необходимого и достаточного условия обладает конструктивной и операциональной способностью. Условие (признак) будет достаточным, если его реализация гарантирует существование объекта, и оно будет необходимым, если его реализация сделает невозможным существование объекта.

Однако, учитывая эволюцию научных теорий (их уточнение, пересмотр, генерализацию и т.д.), следует, по-видимому, признать, что жесткий десигнатор соотносим с соответствующей

теорией, и поэтому всегда является относительным, связанным с определенной теорией объекта.

Сделаем последнее замечание относительно концепции Крипке. Ученый считает, что в тождествах “тепло = движение молекул”, “свет = поток электронов” жесткими десигнаторами являются как имена ‘тепло’, ‘свет’, так и ‘движение молекул’, ‘поток фотонов’. И это не путаница, а сознательная установка ученого, навеянная неприятием дескрипционной теории имен. Однако сами термины ‘тепло’, ‘свет’ вне каких-либо расшифровывающих их дескрипций вообще ничего не способны обозначать. Естественно, что они становятся значимыми в связи с дескрипциями ‘движение молекул’, ‘поток фотонов’. Вне соответствующей дескрипции (или дефиниции) мы вообще не отличим научное употребление имен от обыденного. Но, ясно, что в обыденном лексиконе ‘тепло’ и ‘свет’ не являются жесткими десигнаторами.

***

Перейдем теперь к рассмотрению собственных имен. Крипке считает их также жесткими десигнаторами, и для доказательства этого применяет, по существу, ту же идеологию контрфактических ситуаций. Однако собственные имена существенно отличаются от научных имен. О них не скажешь, что они отражают существенное свойство объектов (лиц) или выражают необходимое и достаточное условие существования этих объектов. И тем не менее Крипке и здесь старается доказать необходимость привязки собственного имени к своему объекту.

Предметом анализа у него становятся отношения тождества собственных имен, таких, как: *Геспер = Фосфор*, *Цицерон = Тулий*. Для того чтобы обозначить жесткость имен, ему нужно доказать, что указанные тождества являются не случайными, а необходимыми, т.е. в любых контрфактических ситуациях эти тождества реализуются: *Геспер всегда есть Фосфор, а Цицерон есть Тулий*.

Крипке признает, что открытие — Геспе есть Фосфор — было сделано эмпирически и, следовательно, фиксирующая дескрипция — “та планета, которая появляется утром в таком-то месте небосклона, есть та же самая планета, которая появляется вечером в таком-то месте небосклона” является случайной. Люди могли бы этого просто не заметить, и мы по-прежнему считали бы, что Геспер — это не Фосфор. Однако закрепляя за *одним и тем же* объектом два разных имени, мы получаем уже необходимое тождество “Геспер есть Фосфор”.

Необходимость, в частности, означает, что во всех выражениях, включающих одно из имен, оно может быть заменено другим с сохранением истинностного значения. Для доказательства необходимости тождества Крипке прибегает к методу контрфактических ситуаций.

Допустим, что утром Венера всходит на том самом месте, на котором она была обнаружена в фактической ситуации. А вот вечером, там, где должна была бы быть Венера согласно обычной фактической ситуации, мы вдруг обнаружили бы (в контрфактической ситуации), что появился Марс. Можно было бы придумать и причину такого смещенного положения планеты. Например, какая-либо пролетающая в вечерние часы комета могла бы сместить Венеру и подтолкнуть Марс на ее место. Могли бы люди в этой контрфактической ситуации сказать, что “Геспер — это не Фосфор”? Нет не могли, считает Крипке.

Если имена Фосфор и Геспер люди закрепили за Венерой, появляющейся утром и вечером в определенном месте небосклона, то они, по мнению Крипке, скорее всего сказали бы, что в том месте, в котором обычно находится Геспер, оказался Марс, а Геспер переместился в другое место. Что бы не случилось с Геспером в контрфактических ситуациях, Геспер остается Фосфором, если оба имени обозначают один и тот же объект.

Аналогичное рассуждение Крипке проводит и в отношении тождества “Цицерон=Тулий”. Допустим, что кто-то знает имя Тулий в связи с фактом его обличительных речей против Катилины, а имя Цицерон — благодаря факту знакомства с его литературными произведениями. То, что некий человек обличал Катилину и одновременно написал известные литературные произведения, является, согласно Крипке, случайным фактом. Но если мы жестко обозначим одного и того же человека именами Цицерон и Тулий, то, что бы ни произошло с этим человеком в контрфактических ситуациях, не поколеблет необходимого тождества “Цицерон=Тулий”. Даже если бы литературные произведения, которые мы приписали Цицерону, написал Кассий, мы не могли бы сказать, что Кассий — это Цицерон. Скорее всего люди бы сказали, что произведения, которые ошибочно приписывались Цицерону, на самом деле принадлежат Кассию.

Действительно, с утверждением Крипке трудно не согласиться, если принять его условие: когда собственное имя *закреплено* за одним и тем же человеком, то, что бы с ним ни случилось, это имя всегда будет обозначать данного человека. Это даже кажется некоторым трюизмом. А как же может быть иначе?

Невидимому, все дело в обосновании этого тезиса, которое коренится в непрозрачном термине “закреплено”? Что значит “закреплено”, каким образом “закреплено”? Крипке не рассматривает “вопрос о зависимости этой закрепленности от качества тех знаний, которые положены в основу неразрывной связи собственного имени и объекта. Да ему это и не нужно, поскольку он исходит из допущения истинности антецедента “если ($a = b$)”, т.е. считает истинным тот факт, что два имени обозначают один и тот же объект.

Рассмотрим еще один пример. Существует гора, которая видна как из Тибета, так и из Непала. Те, кто видел гору с одной стороны, называли ее Гауришанкар, а те кто видел ее с другой стороны, — Эверестом. Само открытие, по терминологии Крипке, было случайным. Эти имена первоначально отождествили, т.е. отнесли к “одной и той же горе”. В принципе, с этим тождеством можно было бы проиграть все возможные контрфактические ситуации, и все равно, по Крипке, Гауришанкар оставался бы Эверестом. Да вот незадача, в результате все тех же случайных открытий позже было обнаружено, что Гауришанкар находится на самом деле на 60 км восточнее Эвереста, и теперь уже истиной следует считать, что “Гауришанкар не Эверест”. На это Крипке мог бы ответить, что он говорит о тождестве имен, присваиваемых одному и тому же объекту, а не разным. Но в том то и дело, откуда мы *знаем*, что два имени относятся к одному и тому же объекту?

Как уже отмечалось, собственное имя устанавливается для лиц путем социокультурных процедур, и соответствующая удостоверяющая запись должна по идее закрепить данное имя лица навеки. Однако здесь следует выделить два возможных дискурса употребления собственных имен: узкий и широкий (универсальный). Узкий сопровождает человека всю жизнь, пока он представляется в ситуациях знакомства или подобных им (например “Я — Джон Смит”). Здесь каждый раз в ситуации представления (знакомства) закрепляется привязка имени к лицу, имя работает как жесткий десигнатор.

Попробуем придумать ситуацию, в которой условия жесткой привязки имени к лицу нарушаются. Если уж удаляться в область фантастики, то предположим, что в наше время живет в Риме Цицерон, который эмигрирует в США. При этом нашему эмигранту страшно не повезло. По дороге из аэропорта Нью-Йорка он попал в авткатастрофу. Предположим, что он потерял все свои документы и вдобавок еще и память. Никто его в

США не знает, да и сам он не может вспомнить ни своего имени, ни одного факта своей биографии. И вот в юридическом департаменте нашему неудачнику присваивают имя Тулий и выдают соответствующий паспорт. Можем ли мы теперь утверждать, что “Тулий это Цицерон”? Невидимому, никому и в голову не может прийти такая мысль. И даже если кто-то, вспомнив римскую историю, назовет его Цицероном, новый гражданин США ответит: “Я Тулий, а не Цицерон”.

Теперь рассмотрим функционирование собственных имен в универсальном дискурсе. Под универсальным дискурсом мы понимаем любое упоминание собственных имен в исторических хрониках, литературных и философских произведениях и т.п. Здесь ситуация личного представления нарушается. Встретив в текстах имена Сократа, Цицерона, Наполеона и т.п., мы знакомимся с этими личностями по комментариям, свидетельствам, носящим дескриптивный характер: *известный афинский философ, выпивший чашу с ядом; известный римский оратор и философ; французский император и полководец, скончавшийся на острове Св. Елены*. Каждое имя представлено нам дескрипциями или пучком дескрипций. Но дескрипции могут быть случайными, неоднозначными и даже ложными. Не по каждой дескрипции мы можем идентифицировать личность, а тем более установить тождество “Цицерон = Тулий”.

Учитывая дескриптивный характер введения имени в универсальный контекст, трудно говорить, что собственное имя является жестким десигнатором.

Сомнение в жесткой привязке имени к единичному объекту (лицу) всегда сопровождает детективные истории о самозванцах, мнимых наследниках, подозреваемых убийцах, персонажах инкогнито или скрывающихся под псевдонимом.

Не случайно Крипке отвергает позицию Рассела о связи имен и дескрипций, ибо” приняв ее, ему трудно было бы доказать, как на основе случайных свидетельств (дескрипций) и, следовательно, случайного совпадения имен (Геспер — Фосфор, Цицерон — Тулий) между ними может возникнуть необходимое тождество. “...В противоположность большинству современных теоретиков, — признается ученый, — я считаю, что референция редко или практически никогда не фиксируется с помощью дескрипции” (с. 366). Имя для него не является “синонимом дескрипции” и может употребляться даже “при описании контрфактических ситуаций, где называемый этим именем объект данной дескрипции не соответствует (с. 366).

Подчеркнем еще раз, что для Крипке случайное не означает ложное. Даже если имя случайно было связано с индивидом, оно следует, по Крипке, всюду за ним как тень. Нам представляется, что Крипке чрезвычайно абсолютизировал десигнационные (референциальные) возможности имен. Ведь в имени самом по себе, как знаковом выражении, вообще нет никакого указания на соответствующий референт. Эти способности имя приобретает лишь через соответствующую дескрипцию (даже ту, что сделана в книге записи о рождении).

В литературе иногда обсуждаются разные модернистские версии присвоения имен индивидам, основанные на использовании какого-либо кода. Если уж рассматривать самый жесткий способ идентификации личности, то, по-видимому, таким жестким идентификатором является геном человека. Тогда присвоение имени индивиду можно было бы связать с соответствующим геномом, например: “Джон это такой-то геном”. Ясно, что данная запись является дескрипцией, использующей уникальный жесткий десигнатор. Однако в свете остро обсуждаемой идеи клонирования людей в будущем могли бы возникнуть полностью идентичные индивиды (дубликаты), и, следовательно, опять возникает сомнение, с кем мы имеем дело, когда нам представляют Джона.

* * *

Перейдем теперь к анализу концепции жесткого десигнатора Х. Патнэма. В отличие от Крипке, Х. Патнэм вообще уходит от анализа каких-либо определений имен через интенционал и переводит проблему установления жесткой десигнации в определенную плоскость действий с предметом.

Как известно, Фреге считал, что экстенционал имени определяется его интенционалом. Его очень волновал вопрос об объективности смысла. Поскольку денотат Фреге определял как вещь, соответствующую имени, то он особо не утруждал себя обоснованием объективности денотатов, хотя предлагаемое им решение не является бесспорным. Однако в отношении интенционала сомнение в его объективности весьма основательно, ибо интенционал — это “смысл” имени, а мысль — это вид ментальности. Фреге, правда, пытался выбраться из щекотливого положения, доказывая, что если смысл имени строго определен, как в теориях математики, то тем самым устраняется всякая субъективность в его трактовке. Патнэм предпринимает более радикальную попытку освобождения от “психологизма”, но при этом ему

приходится пожертвовать традиционной теорией, принимающей два положения:

1) интенционал связан с определенным психологическим состоянием;

2) интенционал имени определяет его экстенционал.

Патнэм считает, что этим двум условиям, вместе взятым, невозможно удовлетворить, а “традиционное представление о значении — это представление, основанное на ложной теории” (с. 378). Предлагая операциональный подход к определению экстенционала, он стремится доказать, что экстенционал не зависит, от интенционала. Когда мы говорим об именах веществ, “значение имени не определяется концептом, находящимся в голове говорящего” (с. 390). Для доказательства своей концепции Патнэм рассматривает несколько виртуальных ситуаций. Рассмотрим его пример с водой.

Допустим, мы живем в 1750 г., когда еще не открыт химический состав воды. Очевидно, люди, говоря о воде, как-то умеют отличать воду от не-воды. Поскольку Патнэм категорически не желает связывать свою концепцию с дескрипцией и, следовательно, с фиксацией определяющих признаков, он считает, что распознавание воды совершалось на основе операции сравнения. Увидев в стакане воду, мы обычно полагаем, что это “та же жидкость”, что и в реке, в озере и в графине. Конечно, некто может ошибочно принять за воду находящийся в стакане джин. Но этот случай ложного распознавания, по Патнэму, должен быть исключен из рассмотрения, поскольку оператор “тот же самый” опирается на пресуппозицию истинности оператора; жидкость в стакане должна быть тождественна жидкости в графине, реке и т.д. В противоположном случае можно заключить, что оператор применен неправильно.

А теперь представим, что на какой-то другой планете Двойнике, являющейся точной копией Земли, живут наши двойники (можно также предположить, что они говорят на английском языке), текут такие же реки, существуют такие же озера, идут те же самые дожди. Единственное отличие планеты Двойника от Земли состоит в том, что словом “вода” у двойников называется не жидкость с формулой H_2O ; а другая — с формулой XYZ. При этом предполагается, что при нормальных условиях (типичных для Земли) вода на Земле не отличима от воды на Двойнике. Допустим, что земляне могут посещать нашу виртуальную планету, а двойники могут прилетать на Землю.

До открытия химического состава воды ни один гипотетичес-

кий путешественник, побывавший на Земле и на Двойнике, не смог бы отличить воду на Земле (обозначим ее вода_з) от воды на Двойнике (обозначим ее вода_д). После открытия химического состава воды (например, в 1850 г.) путешественник с Земли мог бы сказать, что вода_д не является водой, а житель Двойника мог бы сказать, что вода_з не является водой.

С точки зрения Патнэма, экстенционал имени “вода” для землянина в 1750 и 1850 гг. был бы одним и тем же, т.е. вода на Земле. Таким же образом не изменился бы и экстенционал имени “вода” для обитателей Двойника, его жители по-прежнему включали бы в него всю воду на своей планете (т.е. вода_д).

Что изменилось после открытия химического состава воды? После этого открытия землянин уже сказал бы, что вода на Двойнике это не вода_з, а вода_д, состоящая из, XYZ. В свою очередь, житель Двойника мог бы уже сказать, что вода на Земле — это не вода_д, а вода_з, состоящая из H₂O. Из этих рассуждений Патнэм пытается сделать вывод, что экстенционал имени, вопреки распространенному мнению, не определяется интенционалом (концептом). Если экстенционалы не изменились, а понимание имени *вода* изменилось, то, действительно, рассуждение Патнэма выглядит правдоподобно.

Можно было бы заподозрить Патнэма в том, что он трактует экстенционал в духе аргумента *de re*, т.е. считает, что экстенционал — это реально существующее множество вещей, не зависящее ни от наших знаний, опыта, ни вообще от каких-либо представлений, в том числе и от имен, тем более, что в конце своей статьи ученый делает двусмысленное утверждение: “Экстенционалы наших имен зависят от реальной природы тех вещей, которые для них (т.е. имен. — А. К.) выступают в роли парадигмы, и их реальная природа в полном объеме говорящим неизвестна” (с. 390). Однако понимание экстенционала как множества реально существующих вещей вне связи с проблемой означения имен сводится к тривиальному утверждению: в мире столько вещей, сколько их есть. Такое понимание, как мы уже отмечали, не только не решает, но вообще снимает проблему жесткой десигнации имен. Сами имена в такой трактовке оказываются не при чем. Понятие экстенционала также оказывается не применимым к ситуации *de re*, т.е. вне связи с именем нельзя говорить о каком-либо экстенционале, экстенционал — это всегда экстенционал имени. Однако Патнэм и не пытается утверждать тривиальную истину, что в мире столько алюминия, сколько его есть, соответственно воды, золота, вязов, буков и

т.д. Его идея заключается в том, что имена веществ, пород деревьев, видов животных и т.д. способны работать как жесткие десигнаторы, но эта десигнация не сводится к интенциональному (концептуальному) критерию.

Каким же образом тогда определяется экстенционал имени? Вернемся к нашему примеру. Патнэм считает, что до открытия химического состава воды экстенционал определялся операционально на основе отношения “х та же жидкость, что и у”. Именно это условие (если оно истинно), позволяет людям и их двойникам реферировать слово “вода” и на Земле, и на Двойнике. Именно это отношение тождества воды в стакане, реке, озере и т.п. является, по мнению Патнэма, необходимым и достаточным условием определения экстенционала, т.е. идентификации воды.

По мнению ученого, указанное операциональное определение аналогично остенсивному определению “это — вода”. Остенсивные определения (т.е. указания жестом, посохом и т.п.) не являются интенциональными. Но слова *этот*, *тот* не составляют исключения. “Такие слова, как *сейчас*, *здесь*, *это*, — пишет Патнэм, — издавна признаются *индексальными* (дейктическими, или *контекстно-зависимыми* (token-reflexive)), т.е. имеющими экстенционал, который меняется от контекста к контексту или от одного употребления знака (token) к другому. На эти слова никто никогда не распространял традиционный тезис о том, что интенционал определяет экстенционал” (с. 389).

Итак, перед нами снова вода, но уже после открытия химического состава. Сторонник традиционной теории смог бы утверждать, что теперь экстенционал воды должен определяться через интенционал, точнее через дефинирующий ее признак — химический состав. Патнэм считает, что в данной ситуации ничего не изменилось в смысле характера идентификации воды. Для обычных землян вода осталась бы вода_з, а для обычных двойников — вода_д, для специалистов же, знакомых с химией, экстенционалы вода_з и вода_д были бы теми же самими, но они бы еще знали, что в экстенционал вода_з не входит вода_д, и соответственно в экстенционал вода_д не входит экстенционал вода_з). Однако в любом случае экстенционал может определяться на основе оператора “та же жидкость”. Он, как и дейктический указатель “это”, проходит через все миры.

Как оценить эту ситуацию? Патнэм считает, что возможны две теории объяснения операциональной десигнации.

(1) Согласно первой теории, можно считать, что имя (в дан-

ном случае “вода”), определяемое на основе оператора “*та же жидкость*”, является постоянным по смыслу термином, подобным остенсивному указателю “это”. Оно становится соотносительным с каждым миром и подобно остенсивному или дейктическому указателю выделяет на Земле воду, состоящую из H_2O , а на Двойнике воду, состоящую из XYZ. Обратим внимание, что данный соотносительный оператор определяет свой референт (десигнат) не традиционным способом через описание (т.е. *de dicto*), а скорее способом *de re*. Поскольку идентификация воды каждый раз происходит на основе сравнения и отождествления с образцом, то оператор Патнэма подобно остенсивному указанию заставляет говорить саму природу. Вода в каждом возможном мире будет различной, а оператор “*та же самая жидкость*” — постоянным.

(2) Согласно второй теории, имя “вода” определяется оператором “*та же жидкость*”, действующим лишь в нашем *действительном мире* M_1 , но не в других возможных мирах, т.е. этот оператор выделяет в качестве воды лишь воду, состоящую из H_2O . Жидкость XYZ на Двойнике уже не является водой. Для этой теории, следовательно, характерно ограничение действия оператора *это = та же жидкость* нашим действительным миром. Так понимаемый оператор является уже не соотносительным, а *жестким*, привязанным к определенному миру, и соответственно имя “вода” является, по Патнэму, жестким десигнатором. На языке кванторов это означает: “(Для каждого мира M) (Для каждого x в M) (x есть вода = находится в отношении “та же жидкость” к референту местоимения *это* в действительном мире M_1)” (с. 386).

Значит жесткий десигнатор “та же жидкость в действительном мире” признает водой воду на Земле и отвергает в качестве воды жидкость XYZ.

Сам Патнэм присоединяется ко второй теории и считает вслед за Крипке имя жестким десигнатором, если “мы распространим понятие жесткости также на имена веществ” (с. 386).

Помимо определения жесткого десигнатора Патнэм формулирует *социолингвистическую гипотезу*. В обществе, согласно Патнэму, существует не только общественное разделение труда, но и разделение языкового труда. В чем оно проявляется? Да в том, что, овладевая языком, человек “должен овладеть словом *золото*, но ему вовсе не обязательно овладевать методом *p a c п о з н а в а н и я* золота” (с. 383). Следовательно, средний человек, употребляя такие слова, как *золото*, *алюминий*, *вода* и

т.п. отнюдь не может распознать однозначно (жестко) соответствующие вещества, и, значит, определить экстенсионалы соответствующих имен. Но в обществе всегда есть специалисты, которые могут решить эту задачу. Когда кому-то требуется отличить золотое кольцо от подделки, он обращается к экспертам, которые/владеют способом распознавания веществ. “Когда употребление имени, — пишет ученый, — требует разделения языкового труда, средний носитель языка не в состоянии определить его экстенсионал. Нет сомнения в том, что экстенсионал не зависит от индивидуального психологического состояния этого среднего человека; экстенсионал определяется только социолингвистическим состоянием языкового коллектива как целого” (с. 385).

Принимая социолингвистическую гипотезу Патнэма, мы никак не можем согласиться как с его концепцией жесткого десигнатора, так и с выводом, что экстенсионал не определяется интенционалом. Нам представляется, что Патнэм значительно переоценил операциональные возможности своего оператора “х то же самое, что и у”. Такой оператор может работать и действительно работает в специализированной практике диагностики (распознавания) объектов.

Как это обычно делается? Допустим, нам надо диагностировать объект на предмет его принадлежности к роду вещества у, например золоту. Мы можем исходить из знания смысла имени “у” (кавычки указывают на концептуальность у), т.е. из знания и описания свойств у. Это обычно и называют интенционалом имени “у”, который в свою очередь определяет его экстенсионал: х является золотом, если входит в экстенсионал “у”, т.е. удовлетворяет описываемым признакам золота. Но подобное диагностирование находится в соответствии с традиционной теорией связи интенционала и экстенционала, которую пытается отрицать Патнэм.

Существует и другой путь в диагностике х. Можно иметь некий природный эталон золота (т.е. у без кавычек) и сравнивать его с испытуемым образцом (х) Диагноз произойдет успешно (т.е. (х) будет признан золотом или отвергнут в качестве такового) только в том случае, если эталон подлинный. Но чтобы выбрать этот эталон, специалист должен знать, что такое золото, или этот эталон должны предварительно отобрать для него другие специалисты. В любом случае тот, кто отбирает эталон золота, должен знать, что значит имя “золото”, иначе можно ведь выбрать в качестве эталона медь или что-либо другое.

Поставив целью избавиться от интенциональности (соответственно ментальное, соответственно психологизма) в десигнации имен, Патнэм невольно (неявно) трактует переменную *u* в своем операторе не как имя, а как объект, вернее, как природный образец, который сравнивается с неизвестным диагностируемым объектом *x*. Тогда и получается, что за нас, т.е. субъектов с их интенциями, компетентностью, знаниями, языковой способностью, говорит сама природа. Однако мы покажем, что на этом бессубъектном пути (т.е. вне учета представлений человека, которые он связывает с именем вещества, его обобщающей и специфицирующей интеллектуальной деятельности) вообще не возникает никакой десигнации имен.

Главным аргументом в защите своего оператора у Патнэма становится референциальная способность дейктики. Как мы уже отмечали, референция, осуществляемая с помощью местоимения “это”, возможна лишь в узких ситуативных условиях, предполагающих сосуществование говорящего, слушающего и объекта идентификации. Когда я говорю “открой эту дверь”, пресуппозицией адекватного понимания этой фразы и, следовательно, успеха ожидаемого действия со стороны слушающего является наличие нескольких дверей в комнате, понимание слушающим слова “дверь” (иначе можно открыть и окно) и указующий перст говорящего. Естественно, что слово “это” в другой ситуации будет относиться к другому объекту, т.е. его идентифицирующая способность будет меняться от одного ситуативного контекста к другому. Стоит незначительно нарушить ситуативные условия общения, например, послать письмо адресату с фразой “купи мне это пальто”, как оператор “это” перестает работать.

В основе референцирующей способности оператора *это* лежит операция стягивания (редукции) экстенционала смысловнесущего слова (пальто, дверь) к единичному референту (это пальто, эта дверь). Но это стягивание (редукция) осуществимо лишь тогда, когда и говорящий, и слушающий понимают смысл исходного смысловнесущего слова, да вдобавок понимают его примерно одинаково.

В некоторых ситуациях общения, конечно, можно вообще обойтись без определяемого слова. Например, просто указав пальцем на какую-либо нужную вещь на прилавке магазина и сказав “это”, что примерно и делают иностранцы, не владеющие языком страны пребывания, или дикие туземцы, указывая владельцу на висящий у него на шее брелок. Но эта ситуация уже выходит за пределы языкового общения, она вообще не имеет отношения к языку, значению слов и, в частности, имен.

Рассмотренные примеры относятся к ситуации *выбора* вещи, и его осуществление предполагает предварительное знание смысла имени вещи. Патнэм мог бы сказать, что он имеет в виду не эти ситуации референции, а проблему десигнации имен (десигнация, как известно, переводится *означение, обозначение*). И здесь мы хотели бы провести дистинкцию терминов “референция” и “десигнация”, которую, как нам представляется, еще никто не проводил.

Понятие референции и десигнации чрезвычайно близки по смыслу и, как нам кажется, пересекаются в своих объемах. Важно, следовательно, установить, где, в каких коммуникативных ситуациях они могли бы различаться. Общее в операциях референции и десигнации заключается, по нашему мнению, в том, что и то, и другое сводится к связыванию имени (означающего) с предметом (означаемым). Традиционная теория трактует эти операции как определение экстенционала на основе интенционала имени.

Однако проблемы референции обычно рассматривались как задачи стягивания (редукции) общего имени к единичному референту. Другими словами, задача референции ставится обычно тогда, когда надо перейти от известного нам смысла имени (интенционала) к единичной означаемой вещи. Референция осуществляется, как правило, в ситуации *выбора* (идентификации) вещи, и успех референции обусловлен достаточностью идентифицирующих признаков в языковом описании вещи₇.

Какая задача ставится перед десигнацией имени? Патнэм мог бы сказать, что когда он говорит “это — лошадь”, “это — вода”, “это — золото”, то имеет в виду не выбор вещи на основе известного смысла слов *лошадь, вода, золото*, а значение этих самых слов. Если же речь идет о жесткой десигнации, то имеется в виду, что такое значение должно быть жестким (действующим во всех возможных мирах).

Итак, различие между референцией и десигнацией коренится в неодинаковых коммуникативных установках: референция должна предопределять референт на основе исходного смысла имени, а десигнация должна *означать* само имя путем некоторой привязки имени к объекту. В конечном счете и та и другая операции связывают имя с обозначаемым объектом. Традиционалист скажет, что путь к экстенционалу (референту) имени только один: через установление смысла (интенционала) имени. Патнэм с этим не согласен и предлагает свой оператор для установления экстенционала.

Если принять такое понимание десигнации, то в широком плане проблема десигнации перерастает в проблему означения языка, смысла и значения слов. Эти вопросы постоянно находятся в центре внимания теоретической лингвистики, и мы их здесь затрагивать не будем. Покажем только, что предложенная Патнэмом концепция никак не годится для установления значимости имен, ни в обыденном сознании, ни в специализированном (научном). Заметим, что концепция Патнэма очень напоминает старую и отвергнутую теорию, согласно которой значение слов первоначально устанавливалось путем остенсивных определений, т.е. названия вещи и сопровождающего указания на нее. Такая теория рассматривала имена как ярлычки, прикрепленные к вещи.

Рассмотрим вначале дейктический оператор “это”. Он меньше всего подходит для означивания имен. Допустим, что, увидев в первый раз гнедую рослую лошадь, человек устанавливает имя: “Это — лошадь”. Но ведь данное имя человек связал бы с единственным и уникальным экземпляром. А если в другой раз встретится вороная низкорослая лошадь или пони, зебра, осел и т.п., что произойдет в такой ситуации? По-видимому, не владея общим смыслом слова “лошадь”, человек вынужден будет давать каждому экземпляру, сколько-нибудь отличному от исходного образца, новое имя, ибо оператор “это” соотносителен с уникальной ситуацией. В лучшем случае так могло бы возникнуть собственное имя “Лошадь”, которое следовало бы писать с большой буквы.

Еще более сложный случай возникает, когда объекты внешне не различимы, а по сути принципиально различаются. Например, на вечернем небосклоне мы видим светящиеся объекты. Можно ли в этой ситуации, указав пальцем на небо, определить (т.е. десигнировать) имена: “Это — планета”, “Это — звезда”? Если не писать эти слова с большой буквы (т.е. не трактовать их как собственные имена), то с помощью дейктического указателя “это” не устанавливаются экстенционалы класса вещей, включающего планеты, и класса вещей, включающего звезды. Нетрудно увидеть, почему неосуществимо означение (десигнация) имен с помощью оператора “это”. Он не выявляет обобщенного признака класса. Но когда мы выявляем этот обобщенный признак и на его основе определяем имя, мы формулируем смысл (интенционал) имени и задаем соответствующий экстенционал.

Теперь перейдем непосредственно к оператору “х то же самое, что и у”. Возможны различные его трактовки:

1) x и y — это вещи, а не имена. Следовательно, оператор означает сравнение (отождествление) вещей. Мы не будем обсуждать подробностей, как это можно сделать. Важно подчеркнуть другое, в таком сравнении вообще не возникает никакой десигнации имен, как и не возникает собственно самих имен. Если мы установили, что x (в графине) то же самое, что y (в стакане), то мы не ввели имен, а в этих сосудах может быть как джин, так и вода;

2) x означает объект, а “ y ” — имя. В конкретизации Патнэма это будет звучать таким образом: “ x (объект) — это так же самая жидкость, что и вода (имя)”. Заметим, что в данной конкретизации присутствуют даже два имени (родовое и видовое). Ситуация (2) может трактоваться двояким образом:

(2) как референция, когда мы хотим идентифицировать объект (x) на основе предзаданного смысла имени “вода” с помощью дейктического оператора “это”. В научной конкретизации указанная референция звучала бы, примерно, так: жидкость x — это та же самая жидкость что и *вода, состоящая из H_2O* . Присутствие интенционала (выделенного курсивом) в данной референции не вызывает сомнения. В этой ситуации мы не определяем слово “вода”, поскольку смысл его уже предзадан, но мы стягиваем экстенционал к конкретному образцу x ;

(2) как попытку десигнации, т.е. операционального определения экстенционала слова “вода”. Нужно учесть, что в рассматриваемой ситуации мы уже не можем предполагать какой-либо предзаданный смысл слова “вода”. Слово “вода” вводится как бы впервые, но тогда ситуация определения экстенционала сводится к десигнационным возможностям оператора “это”, которые, увы, нулевые.

Если мы говорим, что *этот x* — вода, то мы привязали, как ярлычок, впервые введенное имя “вода” к конкретному образцу, но отнюдь не означили обобщенное имя воды (в реке, озере, дожде и т.д.). Сказать, что “это та же самая вода” во всех новых ситуациях мы не можем, пока не произойдет фиксация свойств воды, их обобщение и описание, что, “по-видимому, и делали люди в своей обыденной практике. Ведь люди различали воду как *жидкость, утоляющую жажду, увлажняющую почву, смывающую грязь* и т.д. Все выделенное курсивом является дескрипцией, определяющей в обыденном сознании имя “вода”. Вообще говоря, никакое сравнение (и отождествление) невозможно осуществить, если не фиксируются сравниваемые признаки, поэтому в сравнениях, даже если не проговаривается дескрипция, она присутствует имплицитно (ментально).

Теперь мы хотели бы остановиться на трактовке Патнэмом терминов “интенционал”, “экстенционал” и их связи, поскольку он выступает против традиционного их истолкования. Тракуя термин “значение” как интенционал (с. 390). Патнэм отрицает, что “значение представляет собой концепты или вообще какие-либо ментальные сущности” (с. 390). Свой тезис он основывает на двух аргументах: а) в обществе существует общественное разделение труда и языковой деятельности и б) экстенционал имени “частично определяется *индексально*” (с. 390).

Аргумент (б), очевидно, следует трактовать так: предложенный оператор “х то же самое, что и у” без всякого интенционала определяет экстенционал имени. То, что этого не может быть, мы уже достаточно обосновали. Аргумент (а) является весьма запутанным. Патнэм признает, что средний человек не может определить экстенционалы таких имен, как *вода, золото, алюминий*. Здесь мы согласились бы с ученым лишь в том, что средний человек не может точно, жестко определить экстенционал соответствующих имен. Но это не значит, что в голове среднего человека нет никаких значений имен вода, золото, алюминий и т.д. Если человек употребляет эти слова осмысленно, то какой-то смысл он в них вкладывает. Можно согласиться, что этот смысл не удовлетворяет строгому определению интенционала, но нельзя отрицать смысловой нагруженности имен. Соответственно этому смыслу средний человек представляет себе примерно образ воды, золота, алюминия. Каков интенционал, таков и экстенционал.

Действительно, более точно и жестко определить экстенционал могут специалисты — эксперты. Именно поэтому “частью о б щ е с т в е н н о г о значения слова *вода* могут стать специальные сведения о воде” (с. 384).

Но что такое “общественное значение слова вода”, как не ментальная сущность? Общественное сознание, конечно, не сводится к сумме индивидуальных сознаний, но и не существует вне их. Сознание, будь то общественное или индивидуальное, есть духовная сущность, а не материальная. Во всяком случае, если мы признаем, что именно научное сообщество определяет понимание научных имен и лишь в его компетенции находится определение их экстенционала, то следует, по-видимому, признать, что именно в голове ученых существуют ментальные сущности, определяющие интенционал и экстенционал научного имени.

Интенционал всегда является концептом (понятием), и, сле-

довательно, ментальной сущностью. Однако мы хотим сделать еще более жесткое утверждение: не только интенционал, но и экстенционал является ментальной сущностью, ибо интенционал и экстенционал — соотносимые, коррелятивные сущности (наподобие функции и ее аргумента), что никак не хочет признавать Патнэм. В нашем мнении о ментальной сущности экстенционала нас укрепляют те примеры, которые рассматривает сам Патнэм.

До открытия химической формулы воды средний житель земли и ученые того времени могли включить в экстенционал воды жидкость XYZ. Как только ученые установили необходимый признак воды, они задали научный интенционал — “вода — это жидкость, состоящая из H₂O”. Но теперь-то экстенционал воды сузился, в него уже не включается, хотя бы в сознании специалистов, жидкость XYZ.

Еще раз подчеркнем, что следует различать вопрос, каков мир сам по себе, вне языкового и научного освоения, и вопрос о том, как возникает *представление* людей об экстенционале. Когда мы накапливаем знания и даем в конечном счете научное определение имени, то на основе интенционала (ментальной сущности) определяется и экстенционал: *мыслимое* множество вещей, удовлетворяющих этому определению. В принципе можно было бы говорить о ментальном экстенционале и реальном экстенционале, если бы это не резало слух. Ментальный экстенционал, определяемый соответствующим экстенционалом, может совпадать с реальным, т.е. действительным множеством однотипных вещей, если научное определение является истиной. Природа вещей, конечно, обуславливает экстенционал имени, но обуславливает через наш *человеческий* учет и описание необходимых признаков познаваемых вещей, т.е. через соответствующие ментальности. Говорить, что некоторые однотипные вещи в мире составляют сами по себе некий экстенционал, вне их познания и смысла научных имен, просто абсурдно. Поэтому на интригующий вопрос Патнэма: “Локализованы ли значения в голове говорящих?”, —мы бы ответили, что они локализованы либо в голове, либо нигде.

* * *

Затянувшаяся дискуссия о жестком десигнаторе, конечно, далека от окончательного решения. Мы понимаем жесткий десигнатор как признак, жестко связывающий имя с объектом. Естественно, что этот признак и должен входить в интенционал

имени и предопределять соответствующий экстенционал. Другими словами, интенционал должен быть необходимым (или, по крайней мере, достаточным) для определения экстенционала. Это и есть условие жесткой десигнации.

Данному условию удовлетворяют аналитические и некоторые научные имена. Собственные имена безынтенциональны в узком контексте общения (наподобие дейктики) и только в этом контексте работают как жесткие десигнаторы. В универсальном контексте собственное имя теряет свою индексальность и вводится на основе определенных дескрипций, которые не всегда достаточны для идентификации означаемой личности.

---

¹ См. *Фреге Г.* Логическое исследование. Томск, 1997; *Он же.* Смысл и денотат // Семиотика и информатика.

² См.: *Рассел Б.* Дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XIII; *Он же.* Философия логического атомизма. Томск: Водолей, 1999.

³ См.: *Кравец А. С.* Имена и дескрипции: семантическая свертка // Человек, познание, культура. Воронеж, 2000. Вып. 1.

⁴ См.: *Стросон П. Ф.* О референции // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XIII.

⁵ См.: *Крипке С.* Тождество и необходимость / Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XIII. Далее при ссылке на это издание страницы указываются в тексте в скобках.

⁶ См.: *Патнэм Х.* Значение и референция // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982, Вып. XIII. Далее при ссылке на это издание страницы указываются в тексте в скобках.

⁷ Дж. Р. Серл показывает, что референция зависит еще от намерений говорящего и ожиданий слушающего. См.: *Серл Дж. Р.* Референция как речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XIII.